

Цзи Линьсюэ, бережно придерживая загипсованную правую руку, медленно двигался по школьному коридору, сопровождаемый десятками любопытствующих взглядов. Некоторые ученики, уже разминувшиеся с ним, вдруг останавливались и оборачивались, провожая его глазами, полными неподдельного интереса.

Шэнь Шаоянь, шагавший рядом, не упустил случая подколоть:

— Снежок, ты теперь у нас звезда школьного масштаба. Прямо знаменитость!

— Я не стремлюсь к славе, — сухо отрезал Цзи Линьсюэ.

— Хочешь ты или нет, а придётся, — Шэнь Шаоянь развёл руками с видом человека, смирившегося с неизбежным. — Ты же у нас герой, совершивший подвиг! Если бы не ты, Хэнгэ сейчас щеголял бы с пробитой головой, как дырявый арбуз.

Гу Хэнчжи, шедший чуть поодаль, бросил на него короткий взгляд, но промолчал, не став возражать.

Когда они вошли в класс, на мгновение повисла звенящая тишина, а затем стены буквально содрогнулись от шквала аплодисментов. Несколько парней, чьи лица показались Цзи Линьсюэ смутно знакомыми, вскочили с мест и принялись выкрикивать что-то одобрительное, восхищаясь его смелостью. Энтузиазм был столь велик, что только властный голос учительницы литературы, молодой женщины с мягкими чертами лица, сумел утихомирить разбушевавшуюся аудиторию.

— Проходите, садитесь, — сказала она, обращаясь к вошедшим, и, взглянув на Цзи Линьсюэ, добавила с искренней заботой: — Цзи Линьсюэ, если почувствуешь себя плохо, сразу говори. Если не в силах слушать урок — не мучай себя, отдохни.

Цзи Линьсюэ благодарно кивнул:

— Спасибо, учитель.

Когда шум, наконец, улегся, и урок продолжился, Цзи Линьсюэ вдруг почувствовал лёгкий, настойчивый тычок в спину. Он чуть повернул голову, и в то же мгновение горячее дыхание Гу Хэнчжи коснулось его уха, вызвав невольную дрожь и тёплую волну мурашек.

— Рука не беспокоит? — прошептал тот, склонившись почти вплотную.

Цзи Линьсюэ машинально потёр ухо, стараясь сохранить дистанцию, и чуть отодвинулся.

— Немного, — признался он.

Боль, поначалу острая и пронизывающая, теперь сменилась тянущим, распирающим ощущением. Не сказать, чтобы невыносимо, но неприятно, выматывающе.

Гу Хэнчжи нахмурился:

— Тогда нечего тут сидеть. Иди в общежитие, отдыхай. А я всё, что надо, законспектирую, потом дашь переписать.

— В общежитии та же скука, — возразил Цзи Линьсюэ. — К тому же мне уроки делать надо.

Упрямство его было легендарным — если он вбил что-то себе в голову, сдвинуть его с места было невозможно. Гу Хэнчжи, понимая это, только вздохнул и не стал настаивать. Когда прозвенел звонок, он с тоской наблюдал, как Цзи Линьсюэ, вооружившись левой рукой, выводит в тетради кривые, корявые, с трудом различимые иероглифы.

Шэнь Шаоянь, наблюдавший за этой картиной, не удержался от восхищённого комментария:

— Настоящий боец! Рука сломана, а он всё равно за учёбу. Прямо подвиг!

После уроков компания отправилась в столовую. Шэнь Шаоянь с готовностью взял на себя почётную миссию — носить подносы и накладывать еду. Когда все расселись, Гу Хэнчжи, не спрашивая разрешения, привычным движением взял палочки и принялся ловко выуживать из порции Цзи Линьсюэ перец и кинзу.

— Он не ест кинзу, — пояснил он, не глядя на Шэнь Шаояня, — и острого ему сейчас нельзя.

Движения его были отточены до автоматизма, и вскоре тарелка Цзи Линьсюэ сияла идеальной чистотой — ни одного лишнего ингредиента. Шэнь Шаоянь вытаращил глаза от изумления.

— Хэн-гэ, ты прямо как заправский повар! — восхитился он. — Ещё немного — и ты у их домашней прислуги работу отобьёшь!

Лу Юй, до этого молча наблюдавший за происходящим, неожиданно вставил:

— Да, Хэнчжи проявляет к Снежку просто трогательную заботу.

— А то! — тут же подхватил Шэнь Шаоянь, не дав Гу Хэнчжи и рта раскрыть. — Снежок же его спаситель! Если бы ты, Лу Юй, меня от железной трубы заслонил, я бы тебя как родного отца почитал! Носил бы на руках!

— Перестань называть меня Снежком, — устало поморщился Цзи Линьсюэ.

Он прекрасно понимал, почему Гу Хэнчжи так о нём заботится. Чувство долга, благодарность, желание отплатить за спасение — ничего больше. И, чтобы не усугублять его и без того тяжёлое бремя вины, он решил просто принимать эту помощь с достоинством. Когда он поправится, их счета будут оплачены, и они разойдутся, как в море корабли.

Шэнь Шаоянь и Лу Юй снова затеяли свою бесконечную перепалку, и Цзи Линьсюэ, оставив попытки вразумить первого, молча уткнулся в тарелку. Для правши есть левой рукой — сущее мучение. Рис то и дело вываливался из палочек, и в рот попадали лишь жалкие крупинки. О том, чтобы нормально захватить овощи или мясо, и речи не шло.

И тут перед ним возникла ложка. Гу Хэнчжи, оказывается, уже успел сбегать и принести её.

— Вот, — сказал он, протягивая ложку. — Так будет удобнее.

В столовой, где на каждом шагу сновали любопытные ученики, кормить с ложечки, как в больнице, было бы уже чересчур. Гу Хэнчжи, прекрасно это понимая, нашёл более деликатный способ помочь.

— Спасибо, — Цзи Линьсюэ принял ложку и невольно задержал взгляд на длинных, изящных пальцах, которые только что сжимали её. Взгляд скользнул выше и упёрся в лицо Гу Хэнчжи — глубокие, точеные черты, тёмные, выразительные глаза.

Главный герой этой истории, Гу Хэнчжи, был человеком чётких принципов: чётко разделял друзей и врагов, свято верил в необходимость платить по счетам — добром за добро, злом за зло.

В оригинальной книге Гу Фэнъянь и Линь Мусинь практически не появлялись на страницах. Упоминалось лишь, что они оба страдали какими-то тяжёлыми недугами и постоянно проживали в закрытом санатории, не поддерживая связи с внешним миром. К тому времени Гу Хэнчжи уже единолично правил семейным бизнесом, и не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, чьих это рук дело.

Цзи Линьсюэ не осуждал его. Закон бумеранга ещё никто не отменял. Но он надеялся, что, избежав тяжёлого ранения в тот раз, Гу Хэнчжи сможет пойти по другому пути. Что у него будет нормальная, здоровая жизнь, нормальные отношения, а не та токсичная смесь из недоверия, угроз и насилия, которую автор книги называл «любовью».

Сам он, конечно, никогда не состоял в отношениях, но даже ему было очевидно, что настоящая любовь не должна быть похожа на минное поле.

— У меня что-то на лице? — голос Гу Хэнчжи вырвал его из задумчивости. — Ты чего застыл? Строишь на меня, а есть перестал.

Цзи Линьсюэ мотнул головой и поспешно, словно уличенный в чём-то постыдном, зачерпнул ложкой рис и отправил в рот.

После ужина все разошлись по комнатам. Шэнь Шаоянь, готовясь к свиданию с очередной девушкой, крутился перед зеркалом битый час, прежде чем наконец убраться восвояси. Лу Юй, вооружившись толстенным томом на английском, вскоре тоже удалился — скорее всего, в читальный зал.

В комнате остались только двое.

— Будешь голову мыть? — спросил Гу Хэнчжи.

Последние дни, за исключением гигиенических процедур, с которыми Цзи Линьсюэ справлялся сам, все остальные заботы взял на себя Гу Хэнчжи. В том числе и мытьё головы.

Цзи Линьсюэ, которого уже достало ощущение собственной неопрятности, с готовностью, почти с мольбой, выдохнул:

— Буду!

Гу Хэнчжи усмехнулся, заметив на его лице столь редкое проявление эмоций.

— Хорошо.

Тёплая вода полилась на волосы, стекая в раковину. Цзи Линьсюэ закрыл глаза, чувствуя, как длинные, сильные пальцы осторожно, бережно массируют его кожу головы, путаются в прядях, смывая пену. Движения были лёгкими, почти невесомыми, и от этого невероятно приятными.

Поначалу, в самом начале, Гу Хэнчжи был ужасно неуклюж: то проливал суп мимо тарелки, то заливал водой воротник во время мытья головы. Но с каждым днём его навыки оттачивались, и теперь он делал всё с ловкостью заправского профессионала.

При его-то положении, при его возможностях, он мог бы просто нанять сиделку и не забивать себе голову такими пустяками.

— Вода нормальная? — раздался сверху его низкий, бархатистый голос.

— М-м, — довольно промычал Цзи Линьсюэ, не открывая глаз.

Вода смыла остатки пены, и волосы, наконец, обрели желанную чистоту и лёгкость. Вскоре поток воды иссяк, и Гу Хэнчжи, придерживая его голову, начал бережно вытирать волосы

полотенцем.

— Знаешь, — неожиданно произнёс Цзи Линьсюэ, — а Шэнь Шаоянь, кажется, не так уж и неправ.

— В каком смысле? — Гу Хэнчжи удивлённо хмыкнул.

Цзи Линьсюэ промокнул лицо от набежавших капель и, глядя на своё отражение в зеркале, улыбнулся:

— Если ты и дальше будешь за мной так ухаживать, твои навыки достигнут таких высот, что ты запросто сможешь устроиться на работу и отбить хлеб у профессиональных сиделок.

— Не устроюсь, — серьёзно ответил Гу Хэнчжи. — Только за тобой.

Цзи Линьсюэ приподнял бровь, вспомнив одну из его недавних фраз, и, передразнивая, протянул:

— Ну да, я же твой спаситель. По гроб жизни обязан.

В последующие недели Гу Хэнчжи действительно не отходил от Цзи Линьсюэ ни на шаг. Тот практически ничего не делал сам — Гу Хэнчжи предугадывал любое его желание, подавал, приносил, сопровождал на все медицинские осмотры, терпеливо дожидаясь в коридоре.

Глядя на этого заботливого, внимательного юношу, Цзи Линьсюэ с трудом верил, что это тот самый человек, который в книге был описан как вспыльчивый, жестокий, не знающий пощады тиран.

Спустя два месяца гипс наконец сняли. Организм у Цзи Линьсюэ оказался крепким, рука заживала быстро, но после долгого обездвиживания требовалась реабилитация — сустав утратил подвижность, и нормально сгибать и разгибать руку не получалось.

Реабилитация — процесс долгий и мучительный. Врач, человек пожилой и опытный, честно предупредил, что вернуть руке былую гибкость будет сложно, и при интенсивных нагрузках возможны ограничения.

Цзи Линьсюэ похолодел. В комнате работал кондиционер, было прохладно, но его пробрал внутренний, липкий холод.

— А смогу ли я потом... стрелять из лука? — спросил он, с трудом выговаривая слова.

Врач, с сожалением глядя на него, покачал головой:

— Не могу обещать. Всё будет зависеть от того, как пройдет восстановление.

Цзи Линьсюэ вышел из больницы, бессознательно прижимая к себе всё ещё слабую, плохо слушающуюся руку. Мысли его были далеко.

Гу Хэнчжи молча шёл рядом, не решаясь нарушить тишину. Наконец, он тихо произнёс:

— Всё будет хорошо. Обязательно поправишься.

Цзи Линьсюэ выдавил из себя горькую, вымученную улыбку.

— Будем надеяться.

В конце концов, ему ещё повезло. В прошлый раз, спасая тонущего ребёнка, он заплатил жизнью. В этот раз — всего лишь рукой.

К лету рука почти полностью восстановилась. В бытовом плане проблем она уже не доставляла. Гу Хэнчжи, наконец, смог сложить с себя полномочия «личной сиделки» и заняться своими делами.

Он, кажется, наладил отношения с семьёй матери и теперь каждые выходные уезжал вместе с Лу Юем к ним в гости.

Ключевое событие сюжета осталось позади, и Цзи Линьсюэ, наконец, смог выдохнуть. Что именно задумал Гу Хэнчжи, его особо не волновало. Догадаться было нетрудно — скорее всего, он готовил почву для противостояния с Гу Фэнъянем и Линь Мусинь. Но это были их семейные дела, в которые Цзи Линьсюэ не собирался лезть. Да и не смог бы, даже если бы захотел.

Больше всего его сейчас беспокоило другое: Гу Хэнчжи, видимо, пережитый ужас той ночи оставил неизгладимый след в его душе. Теперь он таскал Цзи Линьсюэ за собой повсюду — в столовую, в магазин, куда угодно. Видимо, боялся выпускать из виду.

Шэнь Шаоянь как-то пошутил:

— Хэн-гэ, сделай из Снежка брелок и повесь на рюкзак, чтобы всегда был при тебе.

Гу Хэнчжи, к всеобщему удивлению, задумался над этим предложением вполне серьёзно и лишь спустя минуту раздумий ответил:

— С современным уровнем технологий это будет сложновато.

Цзи Линьсюэ: «...»

<http://bllate.org/book/16531/1569384>